

Содержание

ПРАВИЛА <i>“Игры в бисер”</i>	7
-------------------------------------	---

ЧАСТЬ I

ВОСТОК. <i>Кисть и бумага</i>	19
АВТОР. <i>Звук и буква</i>	29
ПРОЗА ТРАНЗИТА. <i>Путь и дорога</i>	43
РИТУАЛЫ ЧТЕНИЯ. <i>Уют и окоп</i>	53
ФЕТИШ. <i>Книги и вещи</i>	69
ГЛОБУС УКРАИНА. <i>Контур и рельеф</i>	82

ЧАСТЬ II

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА. <i>Писатель и персонаж</i>	99
ДИХОТОМИЯ. <i>Элои и морлоки</i>	115
БЛАГОРОДНЫЙ ДИКАРЬ. <i>Империя и колонии</i>	132
МЕНЬШИЙ БРАТ. <i>Народ и звери</i>	150
НЕЧИСТЬ. <i>Черт и контекст</i>	164
ИНОСТРАНЦЕЦ. <i>Там и тут</i>	182

ЧАСТЬ III

СМУТНЫЙ ЭРОС. <i>Нагие и раздетые</i>	201
НАТЮРМОРТ. <i>Сытые и голодные</i>	219
МАШИНА ВРЕМЕНИ. <i>Живое и мертвое</i>	237
МНЕМОЗИНА. <i>Вчера и всегда</i>	254
ПРИМЕРКА. <i>Смерть и слова</i>	271
АРЬБЕРГАРД. <i>Мы и они</i>	288
ТОЧКА. <i>Старость и радость</i>	306

ПРАВИЛА

“Игры в бисер”

1

Когда началась украинская трагедия, я, как и многие пишущие по-русски друзья и коллеги, ощутил вместе с горем разочарование в том, чем всю жизнь занимался. Оказалось, что написанные нами книги ничего не изменили, никому не помогли и никого не переубедили. Но в мрачные часы истории острее чувствуется потребность в убежище, чтобы перевести дух и уважить Дух, который реет, где, а главное, когда хочет. Вроде бы в такое время можно говорить лишь о боях и жертвах, но это не так.

Чтобы оправдаться, чтобы не считать бессердечным место в башне из слоновой кости или защищать тем более бессовестную позицию “над схваткой”, я хочу воспользоваться уроком писателя, который был в схожем положении и вышел из него поучительным образом, оставив нам пример. Во всяком

7

случае, я сразу знал, у кого искать утешения, и с первых дней беды отрывался от фронтовых сводок только для того, чтобы окунуться в книгу, которую знаю почти наизусть, но все равно перечитываю каждый раз, когда, как теперь, от отчаяния не спасает любое другое чтение. Это — “Игра в бисер” Германа Гессе.

Его урок мне кажется столь важным, потому что он сумел отстоять литературу от другой войны — Второй мировой. Он провел ее в Швейцарии, которая отчаянно защищала нейтралитет. Гессе делал для своей первой родины что мог: поддерживал оставшихся в Германии друзей и единомышленников, помогал беженцам и хлопотал за них перед властями, оплакивал погибших и замученных, обличал нацизм в речах и письмах. Но при этом он четко отделял гражданскую позицию от писательской. Первая неразрывно связана с моральным долгом в изуверскую эпоху. Зато свою вторую ипостась Гессе защищал от войны. Об этом говорит его ответ анониму, который призывал его “*писать на актуальные темы*”, упрекая за желание укрыться от реальности.

На дворе стоял 1939-й. Война уже началась, но Гессе не признавал ее власти над собой. “*Писатель тем и отличается от нормальных людей, — объяснял он свою непопулярную позицию, — что не позволяет войне собой распоряжаться, ибо война, которую мы оба ненавидим, питается своей вечной тенденцией к тотальности*”.

Стоя на своем, Гессе спас немецкий язык от позора нацизма, написав шедевр, за который получил

Нобелевскую премию в 1946-м. Представим себе разбомбленную Европу того первого послевоенного года. Миллионы отчаявшихся людей, смерть, голод, разруха. И все знают, что в этом виноваты те, на чьем языке написана книга, удостоенная высшей награды. Хотя “Игра в бисер” не упоминает войну, гремевшую за недалекой границей, Гессе помнил о ней, придумывая свою ученую Касталию. Это чистое царство духа, считал он, необходимое условие человеческого существования.

Орден аскетов и эстетов предназначен для избранных, а нужен всем. *“Люди знают или смутно чувствуют: если мышление утратит чистоту и бдительность, а почтение к Духу потеряет силу, то вскоре <...> наступит хаос”.*

Хаос, конечно, наступил все равно, и Гессе даже в Швейцарии видел, куда привела война Европу. Но и тогда он свято верил в спасительную миссию своей Касталии. Вопреки указанному в книге адресу, она расположена не снаружи, а внутри каждого, кто о ней мечтает.

2

Впервые я прочел роман Гессе зимой 1973 года, когда студентом подрабатывал в пожарном депо рижского автобусного завода, лежа на санитарных носилках в пяди от цементного

пола нетопленного гаража. На дворе было минус десять, внутри — не больше. Фанерные стены защищали от ветра, но не мороза, поэтому я лежал в завязанной ушанке, бабушкиных варежках и кирзовых сапогах без портянок, которые так и не научился наматывать. Зато здесь было свежо и тихо. Коллеги пили портвейн за стеной, в жарко натопленной каморке с топчанами и домино, но я завидовал не им, а себе, ибо нашел счастье, а это не с каждым бывает, тем более — в двадцать лет. С тех пор моей любимой книгой стал роман Гессе. Из него я узнал о прекрасной Касталии, где избранные мудрецы поклонялись знанию и играли с ним в строгом и просторном монастыре. Живя в безвыходной стране, я не мог представить идеала прекраснее. Созерцательная жизнь обещала свободу выбора: я мечтал читать только то, что хочется.

Говоря о Гессе, Борхес заметил: *“Ясно, что автор не представлял себе эту игру с достаточной подробностью; иначе она занимала бы читателей больше, чем реплики и тревоги действующих лиц или окружающие их просторы”*. Но меня в “Игре в бисер” интересовала исключительно Игра в бисер, и я постоянно думаю о ее правилах.

Прежде всего, как бы мы ни переводили немецкое название “Das Glasperlenspiel”, в нем останется “Spiel” — игра, а значит не труд, не долг, не политика, не религия и все-таки не искусство. Вернее, все вместе взятое, но лишь в той степени, в какой это было бы верно для Олимпийских игр. Такая параллель сама напрашивается. Ведь если спорт и оказывает пользу,

то попутно. Олимпийские игры улучшают человеческую породу, но только у олимпийцев, редко создающих династии.

Кастальцы, однако, — атлеты не тела, а духа. Они — рыцари знаний, что еще не делает их учеными. Игра отличается от науки тем, что она не углубляется до атомарного уровня, на котором все одинаково, но и не обобщает до теории, которая, как это случилось с марксизмом, засасывает в воронку все живое. Игра в бисер ведется на человеческом уровне генерализации, позволяющем символу остаться вещью, идее сохранить самобытность, цепи — наглядность.

Игра в бисер, пишет Гессе, напоминает *“орган, чьи клавиши и педали охватывают весь духовный космос”*. Играя на нем, кастальцы могли *“воспроизвести все духовное содержание мира”*. Каждая партия, дает вполне техническое определение автор, была *“последовательным соединением, группировкой и противопоставлением концентрированных идей из многих умственных и эстетических сфер”*.

Суть Игры — в ее элементах, в этих самых *“концентрированных идеях”*. Мне они видятся выпаренными иероглифами культуры, понятными *“всем людям духа”*. Игре они служат как ноты — музыкантам, но это письмо намного сложнее и богаче. Знаки Игры — зерна культуры. *“Игрецы”*, как называет их Гессе, выкладывают из них красивые и многозначительные узоры, подчиненные предложенной теме.

Можно, например, представить партию, развивающую сквозь века и культуры мотив юродства — от

греческих киников, дзенских учителей и хасидских цадииков к Ивану Грозному, Хлебникову, Жириновскому и девицам из “Pussy Riot”, изгонявшим Путина из модного храма.

3

Игра в бисер ищет конкретного и разного, а не универсального и единого. Игра — не религия, хотя она тоже меняет жизнь. Игра — не философия, хотя она признаёт все ее школы. Что же такое Игра в бисер?

Даже изучив ее правила, трудно понять, как уместить бесконечный мир культуры в замкнутую и обозримую форму. Понятно, что для этого не годится путь, которым идет энциклопедия, пытающаяся перечислить мир и никогда не поспевающая за ним.

Возможно, это интеллектуальный роман, позволяющий запечатлеть дух времени и сыграть его на сцене эпического полотна?

Томас Манн и Роберт Музиль, верные союзники Гессе, стремились замкнуть мир, воссоздав его центральные идеи. Первый раздал их персонажам, как маски в комедии дель арте, второй повесил идеи на стены сюжетов, словно шпалеры в замке. (У Достоевского идеи насилуют героев, у Толстого подаются отдельно, у Чехова их нет вовсе, за что на Западе его любят больше остальных русских.)

Для Игры в бисер, однако, такие романы — слишком длинные. Игра ведь оперирует аббревиатурами, а это — задача поэзии. Не всякой, и даже не лучшей, а той, что от беспомощности зовется философской и пользуется узелковой письменностью перезревшей — александрийской — культуры.

Такие стихи — интеллектуальный роман, свернутый в ребус.

Такие стихи — гирлянда желудей, каждый из которых — эмбрион с энтелехией, “самовозрастающий логос”, как, кривляясь, говорил другой магистр Игры Веничка Ерофеев.

Такие стихи — даже не цветы, а семена культуры, но собрать их — участь гения.

Между тем Игра в бисер требует многого, но только доступного. К тому же кастальцы, пишет Гессе, исповедуют “полный отказ от создания произведений искусства”. Романы и стихи нуждаются в творце, Игра — в исполнителе. Гроссмейстеры не выдумывают шахматы, они в них играют. Это значит, что игроки не создают культуру, а исполняют ее.

Игра в бисер, можем мы заключить, есть чтение.

Всякий читатель — палимпсест, сохраняющий следы всего прочитанного. Умелый читатель не хранит, а пользуется. Но только Мастер владеет искусством *нанизывания*. Его цель — не механический центон, а органическое сращение взятого. Он читает не сюжетами и героями, а эпохами и культурами и видит за автором его школу, врагов и соседей. Нагружая чужой текст своими ассоциациями, он втяги-

вает книгу в новую партию. Включаясь в мир прочитанного, она меняет его смысл и состав.

Игра в бисер — теннис с библиотекой, которая рикошетом отвечает на вызов читателя. Успех партии зависит от того, как долго мы можем ее длить, не выходя за пределы поля и не снижая силы удара.

4

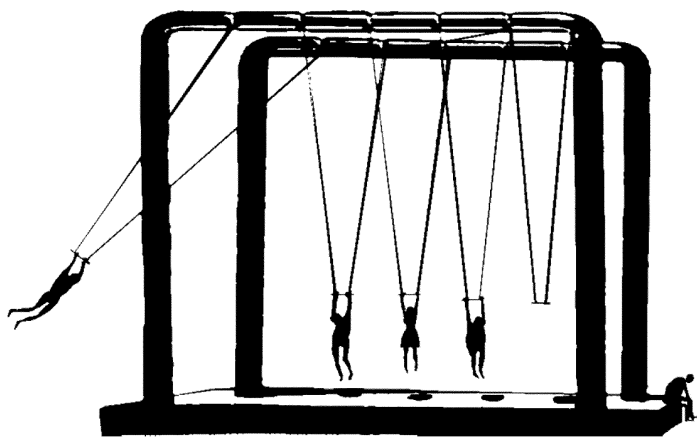
Но все же почему игра? И почему сегодня? На этот вопрос ответил другой ее гроссмейстер — великий голландский культуролог Йохан Хёйзинга. В написанной накануне все той же Второй мировой войны книге “*Homo ludens*” он начинает с того, что утверждает, что можно отрицать почти все абстрактные понятия — право, красоту, истину, Бога, но нельзя отрицать игру. А признавая ее, мы признаем и Дух, ибо какова бы ни была сущность игры, *“она не есть нечто материальное”*. Ценность игры в том, продолжает Хёйзинга, что в *“исторические периоды тяжелого духовного давления”* *“она создает временное, ограниченное совершенство”*, и *“порядок, устанавливаемый игрой, имеет непреложный характер”*. Другими и простыми словами: если в футбол играют руками, то это не футбол.

Разделяя это отношение к Игре, Гессе верил, что больше всего Касталия нужна в безнадежно черные

часы истории, когда, казалось бы, не до аристократической и головоломной Игры в бисер. И хлеб от нее не станет дешевле, и пушки не замолчат. Но непрактичная, мало кому нужная и понятная, она спасает мир тем, что оправдывает его, — как Бах, сирень или закат.

Игра нужна, чтобы поддержать и воспитать тонкий слой художественной элиты, которая пестует наиболее редкие цветы культуры. Когда падают бомбы, забота об этой интеллектуальной забаве считается бесполезной. Но на самом деле именно Гессе и все на него похожие помогают нам тем, что одичавшему во время войны человечеству есть куда вернуться.

ЧАСТЬ I

ВОСТОК

Кисть и бумага

1. ЯПОНЦЫ

Мое поколение завидовало по двум направлениям. Одно — обычное — вело по проторенному маршруту к американской прозе, джазу и кино — вплоть до Тарзана, которого Бродский в эссе “Трофейное” приобщи́л к учителям свободы: “...я утверждаю, что одни только четыре серии «Тарзана» способствовали десталинизации больше, чем все речи Хрущева на XX съезде”.

Другой, еще более экзотический путь, вел на Восток и упирался в Японию. Намного позже я узнал об этом и от Виктора Пелевина, который рассказывал, как играл в японцев, отчего и произошла лучшая глава его романа “Чапаев и пустота”. В ней герой наконец с ними встречается.

*“Японцы, — подумал Сердюк, — великий народ!..
Надо за Японией идти — мы же соседи. Бог велел...*